

Сергей Юльевич Витте

Национальная экономика и Фридрих Лист

Сергей Витте

**Национальная экономия
и Фридрих Лист**

«Public Domain»

1889

Витте С. Ю.

Национальная экономия и Фридрих Лист / С. Ю. Витте — «Public Domain», 1889

«Около четверти века тому назад я написал по поводу одной газетной полемики, брошюру: «Национальная экономия и Фридрих Лист», которая тогда же и была издана. Вскоре после того судьба привела меня к рулю финансовой и экономической политики, а также к участию в политическом управлении величайшей Империи. Думаю, что моя государственная деятельность не противоречила мнениям, которые я высказал, когда стоял совсем вдали от власти...»

Содержание

Предисловие	5
По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Юльевич Витте

Национальная экономия и Фридрих Лист

Предисловие

Около четверти века тому назад я написал по поводу одной газетной полемики, брошюру: «Национальная экономия и Фридрих Лист», которая тогда же и была издана. Вскоре после того судьба привела меня к рулю финансовой и экономической политики, а также к участию в политическом управлении величайшей Империи. Думаю, что моя государственная деятельность не противоречила мнениям, которые я высказал, когда стоял совсем вдали от власти.

Преклоняясь перед многими мыслями Листа, который был как бы предтечей Бисмарка, я считаю этих двух деятелей истинными националистами. Однако новейшие течения показывают, что национализм может получать разнообразные формы и объем применения в зависимости от места, времени и степени культуры. Так, например, Бисмарк, объединив Германию и создав Империю с резким выражением национализма и с министерством, зависящим лишь от Императора, не считал препятствием к созданию «национального» государства: конституционную поместную автономию, веротерпимость по отношению подданных не господствующего вероисповедания, даже не христиан, равноправность всех граждан вне зависимости от вероисповедания и происхождения, отношения правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов и проч. Между тем, многие из указанных явлений жизни Германской Империи считаются иногда несовместимыми с национальными основами.

Мне представляется, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому не пугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа, и достигающий этой цели; – и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным. Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности государству, составляющему отечество данного народа, – второй составляет также проявление тех же чувств, но обуреваемый мстостью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах диких для XX столетия. Бисмарк был националист первого рода, а Абдул Гамид второго. Я думаю, что первый тип более желательный для блага нашего отечества.

*Граф Витте,
С.-Петербург. Май 1912 года*

По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист

Ни одна наука не находится в настоящее время в столь шатком положении, как политическая экономия. Достаточно сказать, что даже в среде жрецов этой науки являлись и являются лица, которые совершенно отрицают ее существование. Некоторые из них, хотя и продолжают читать лекции по политической экономии по известному шаблону, тем не менее, в полемике, когда противники их ссылаются на политико-экономические аксиомы, содержащиеся во всех учебниках, не стесняются заявлять, что, мол, эти аксиомы – бабьи сказки. Почему же наука эта находится в таком состоянии? Подробное рассмотрение этого вопроса не составляет предмета настоящих статей. Мы желаем только указать на то, что одна из главных причин такого состояния политической экономии заключается в том, что большинство экономистов допускало смешение и, во всяком случае, недостаточно разграничивало экономические понятия по отношению отдельного лица, нации (страны) и человечества. Между тем одни и те же экономические положения или выводы, справедливые по отношению лица, могут быть совершенно неправильными по отношению нации, одни и те же положения или выводы, верные по отношению нации, могут быть вполне ошибочными по отношению человечества и т. д.

Поясним это примером. Для отдельного человека всякая вещь, хотя сама по себе и бесполезная, но которая дает ему возможность взять от других лиц действительно полезные вещи, составляет часть его богатства. Например, долговая запись Ивана на имущество Петра составляет часть богатства Ивана. Но эта долговая запись не составляет богатства страны, коей подданными состоят Иван и Петр, а также не составляет части богатства человечества. Если запись эта уничтожается, то страна, равно как и человечество, не станут ни богаче, ни беднее. Но если Иван – подданный одной страны, а Петр – другой, то эта запись, не составляя части богатства человечества, можете составить часть богатства страны, коей подданным состоит Иван. Итак, некоторые предметы, сами по себе бесполезные, хотя не составляют части богатства человечества, но могут составлять часть богатства отдельного лица, а иногда и отдельной страны. Между тем многие экономисты-классики, делая совершенно правильное разграничение между богатством отдельного человека и человечества, недостаточно разграничивают понятия о человечестве и нации и уже потому неправильно считают национальным богатством исключительно только вещи сами по себе полезные или приятные и имеющие меновую ценность.

Творцы классической политической экономии, если не всецело, то преимущественно, в своих логических построениях имели в виду не нацию, а человечество. Они создали науку, которую было бы правильнее назвать не политической (общественной), а космополитической экономией. Их последователи упустили из виду это обстоятельство, а потому начали проповедовать космополитические экономические аксиомы, как непреложные законы для национального общежития. Между тем факты и сама жизнь во многих случаях шли в разрез с этими законами. Вследствие этого явилось, с одной стороны, сомнение в праве на существование политэкономии как науки, а с другой отрицание всех тех национальных потребностей, которые не согласуются с принципами творцов политической экономии. Отрицать научное право классической политической экономии только потому, что некоторые принципы ее не согласуются с хозяйственной жизнью различных стран, так же нелогично, как нелогично, например, отрицать научное право математического анализа потому, что многие выводы его не имеют житейского применения. Требовать же лечения всех экономических недугов страны по рецептам космополитической экономии так же бессмысленно, как, например, требовать устройства какого-либо двигателя по формулам аналитической механики, без принятия во внимание качества материалов, условий сопротивления и атмосферических влияний. Для того чтобы

жизнь страны могла регулироваться принципами космополитической экономии, принципы эти должны, прежде всего, получить видоизменение, соответствующее наличным национальным условиям, точно так, как формулы аналитической механики для применения к жизни преобразуются в формулы практической механики, принимающей во внимание физические условия нашей планеты. Оставаясь в области взятого нами сравнения, можно сказать, что классическая политическая экономия аналогична аналитической механике; для применения ее к национальной жизни она должна преобразовываться в национальную экономию, подобно тому, как аналитическая механика преобразовывается в практическую; наконец, для того, чтобы национальная экономия могла применяться к жизни данной страны, должны быть приняты еще во внимание индивидуальные ее особенности, точно так, как для применения формул практической механики к данному случаю или категории случаев в формулы эти должны быть вставлены численные коэффициенты, соответствующие данным условиям этих случаев.

Если бы умственная жизнь настоящего столетия не была под самым сильным влиянием космополитизма, то несомненно, что параллельно развитию политической экономии развилась бы прикладная часть этой науки – национальная экономия. Но космополитическая aberrация не только не дала возможности приобрести этой прикладной науке права гражданства во всех государствах, но, кроме того, установила разномыслие в житейском понимании принципов политэкономии.

Мы, русские, в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняла самое нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономии. Результаты этой кройки на лицо. Отдельным голосам, восстававшим против такого сумасбродства, наши проповедники, облекшись в тогу попугайской учености, возражали теоремами из учебников политической экономии. Несомненно, что такой способ доказательства в глазах толпы имел и имеет значительную убедительность. Толпа верит и не может не верить в теоремы учебников политической экономии по их букве, а не разуму. Подобного рода возражения продолжают сыпаться ежедневно, а потому едва ли не полезно пролить некоторый свет на значение этих возражений. Источником такого света служит знаменитое сочинение Фридриха Листа «Национальная система политической экономии». Замечательно, что это сочинение до сих пор не переведено на русский язык [После первого издания настоящей брошюры оно было переведено под редакцией К. В. Трубникова и издано в 1891 году.] хотя у нас имеется в переводе много экономических книг космополитического направления весьма сомнительного достоинства. Сочинение это совсем неизвестно русской публике и весьма мало известно многим русским экономистам-космополитикам. Между тем оно в серьезной западной экономической литературе признано явлением из ряда вон выходящим. Лист составил эпоху не только в научной, но и в практической жизни Германии.

Он положил в своем отечестве основы науки, называемой национальной экономией (в противоположность политической экономии), – науки, под этим заглавием читаемой во всех университетах. Он был пророком настоящего величия Германии, созданного князем Бисмарком по началам его доктрины. Мы этим не хотим сказать, что князь Бисмарк доктринерски руководствовался или даже вообще сообразовался с сочинением Листа; но несомненно, что то, что делал и делает князь Бисмарк для величия своего отечества, было замечательно точно указано Листом как необходимое для преуспевания нации вообще и Германии в особенности. Судя же по печатным отзывам, «Национальная экономия» Листа состоит в числе настольных книг князя. По нашему мнению, в настоящее время основательное знакомство с «Национальной системой политической экономии» составляет необходимость для всякого влиятельного государственного и общественного деятеля. Чтение национальной экономии в наших высших

учебных заведениях, как прикладной части политической экономии, могло бы принести громадную пользу. Вероятно, тогда мы избежали бы в будущем многих колебаний и aberrаций в экономических мероприятиях. Мы же считаем полезным хотя бы бегло ознакомить читателей с некоторыми взглядами, так убедительно и Доказательно проводимыми в сказанном сочинении. При этом, излагая мысли Листа, мы будем стараться говорить его же словами.

I

Начиная говорить о «Национальной системе политической экономии», нельзя не сказать хотя несколько слов о знаменитом авторе этого сочинения.

Фридрих Лист родился в 1789 году в Рейтлингене, вольном городе Швабии. Там он получил школьное образование и 14-ти лет уже начал изучать сыромятничество у своего брата. Но такое занятие не было по нем: он все стремился к умственной работе и книгам. Бросив это ремесло, он некоторое время занимался в городских администрациях и, наконец, получил видное положение в центральной администрации Виртемберга. Здесь он обрел особое положение министра Вагенгейма. Этот министр основал факультет в Тюбингене и предложил в нем кафедру своему сотруднику Листу. Одновременно Лист открыл журнал «Друг швабского народа». Но министр скоро потерял свое место, и Лист лишился кафедры и прекратил издание своего журнала. Рейтлинген выбрал его своим представителем, но выбор этот был кассирован, так как Листу не было 30-ти лет. Тогда Лист задался идеей уничтожения в Германии внутренних таможен, коей он явился, до конца своей жизни, самым рьяным поборником. Он говорит по этому предмету речи, пишет статьи, входит в обширные сношения с торговым миром и «коммерческим обществом», подает записки министрам и монархам. В 1820 году Рейтлинген его снова выбирает своим представителем в виртембергский парламент. С первых же заседаний парламента он требует уничтожения внутренних таможен, установления годичных бюджетов, равномерных налогов; наконец, он ведет агитацию для организации парламентской оппозиции. Министерство на основании конституции требует удаления его из парламента. Удаленье это, несмотря на энергическую и прекрасную речь Листа, принимается большинством членов парламента. Независимо сего суд приговаривает Листа к десятимесячной каторжной работе. Тогда он бежит во Францию. Через два года, рассчитывая на монаршую милость, он возвращается в Виртемберг. Здесь его арестуют, но через несколько месяцев выпускают с тем, чтобы он немедленно выехал из пределов отечества. Он уезжает в Америку. Это было в 1825 году. В Америке Лист напечатал на английском языке несколько экономических статей, произведших значительную сенсацию. В этих статьях уже содержится зерно, разившееся в «национальную систему». Там случайно, во время прогулки, Лист открывает значительную залежь каменного угля. Он немедленно образует компанию для ее эксплуатации. Предприятие это пошло хорошо и в будущем обещает значительные барыши. Для улучшения сбыта угля, по проекту Листа, строится железная дорога, соединяющая эти копи с каналом. Лист делается состоятельным человеком. Но он думает только о своей родине: «Я только что перечитал, пишет он в 1828 году одному из своих друзей, мою корреспонденцию с „коммерческим обществом“. Какие воспоминания! Это были золотые дни надежд. Я болел тоскою по родине шесть недель, но до сих пор не мог заниматься делами Америки. Я для моего отечества то же, что мать для некрасивых детей: она их любит тем более, чем более они обижены природой. В основании всех моих проектов – Германия, возвращение в Германию!» Почти в то же время он пишет близкому лицу к королю баварскому ряд писем, пропагандирующих необходимость постройки в Германии железных дорог – писем, которые были тогда же опубликованы. Он пишет самому королю по тому же предмету. И тогда, когда еще в Англии железные дороги не поколебали всех сомнений в их полезности – в этом письме он восклицает: «какая прекрасная победа ума человеческого над материей!» и с поразительным предвидением предсказывает, какую роль

будут играть железные дороги в будущем. Но его все тянет в родную страну. Наконец, он получает от президента Янсона поручение вести переговоры с Францией по вопросу коммерческих отношений этой страны с Америкой и одновременно получает место американского консула в Гамбурге. Немедленно по приезде в Европу он печатает на французском языке целый ряд статей по вопросам экономическим, а равно касающимся железных дорог. Во Франции он встречается с инженером Рожье, впоследствии основателем бельгийских железных дорог, и внушает ему идею необходимости соединения железной дорогой Антверпена с Рейном. Но Гамбург протестует против его назначения. Окончив переговоры с Францией, он снова возвращается в Америку и через два года получает место американского консула в Лейпциге. Немедленно по возвращении в Германию он начинает пропагандировать постройку сети германских железных дорог, и пропаганда его имела значительное влияние на ускорение постройки этих дорог. Независимо от многих отдельных статей по экономическим вопросам, в это время им напечатанных, в 1835 г. он начал издавать «Журнал железных дорог», который имел значительный успех. В 1837 г. Лист получил известие, что экономический кризис в Америке его окончательно разорил. Для наведения справок по этому делу он отправился в Париж. Здесь он был отлично принят и представлен Луи-Филиппу. В это время парижская академия наук назначила конкурс на мемуары по вопросу о международной торговле. Он принял участие в этом конкурсе, и его мемуар, поданный по этому вопросу и получивший премию, снова обратил его мысли к национальной экономии. Вернувшись в Германию, он начал преимущественно заниматься «национальной системой», которая и появилась в 1841 году. Появление этого сочинения произвело фурор. Имя Листа начало греметь во всей Германии и, как обыкновенно бывает, одни расточали похвалы, а другие – ругательства. Наконец, каторжник достигнул своей цели: вследствие аудиенции, которую ему предоставил король виртембергский, суд уничтожил свой приговор. Тогда он еще с большою силою возвращается к идее уничтожения внутренних таможен и образования германского таможенного союза. С 1843 года он начал издание «Газеты таможенного союза», которое имело сильное влияние на объединение экономической жизни Германии. Объединение это было, конечно, опаснее всего для Англии. Там следили за каждым словом, сказанным Листом в его газете. Английский министр-резидент доносил в Лондон, что Лист является самым опасным человеком для интересов Англии. Лист должен был непрерывно бороться со своими иностранными противниками и отечественными фритредерами. Между тем он оставался с весьма скудными средствами; потеряв состояние, он жил исключительно своим пером, которое в то время в особенности не могло давать достаточных средств. Бурная жизнь и постоянный умственный труд значительно ослабили его здоровье. Он ищет успокоения в путешествиях. Но путешествия его всегда носили деловой характер. Во всех своих путешествиях он пропагандирует словесно и посредством печати излюбленную им идею экономического объединения Германии. В это время он достиг апогея своего влияния: где бы он ни появлялся, всюду он возбуждал энтузиазм; он был центром, вокруг которого сосредоточивались все наиболее важные интересы страны, – он был, как его тогда называли, главный агент Германии (*Der Allgemeine Deutsche Consilient*). Во время одного из таких путешествий он умер в гостинице в Куфстене, в 1846 году. Как только распространилась весть о его смерти, во всех концах Германии начали воздавать ему честь, которую далеко не так единодушно ему воздавали, когда он был живым. Тогда только его соотечественники поняли, какую они понесли потерю. Похвалы доходили до того, что его сравнивали с Лютером. С людьми, подобными Листу, обыкновенно оправдывается поговорка: *divus dum ne sit vivus*.

Сказанное о жизни Листа объясняет причины той силы жизненной правды, которую дышит его знаменитое сочинение. – Лист был человек гениального ума со значительной научной эрудицией, приобретенной преимущественно посредством самообразования. Хотя во время жизни Листа некоторые его противники и находили, что его воззрения составляют плод недостаточной учености, но едва ли теперь найдется хотя бы один серьезный экономист, даже

и вне пределов Германии, который позволит себе высказать подобное воззрение. Но Лист не принадлежал к разряду тех ученых экономистов, которые проводят всю свою жизнь в кабинете какого-либо университетского города, имея дело лишь со своими товарищами-профессорами и слушателями, а по части экономических сношений – только со своею прислугою. Он всю свою жизнь был в самых деятельных деловых сношениях с массою промышленников, торговых людей и коммерческими обществами. Он сам сделался промышленником, нажил большое состояние на промышленном предприятии и на нем же потерял это состояние. Лист непосредственно также занимался торговыми государственными делами. Подобная деятельность дала ему возможность уразуметь и согласить абсолютность ученой классической политической экономии с относительностью жизненных явлений. Но самое главное, что дало ему возможность создать свое знаменитое сочинение, это то, что он был в полном смысле истинным сыном своего отечества. Он родился немцем и оставался до гроба немцем в душе, несмотря на все буйные политические перипетии его жизни. Политические события его выбрасывали из отечества. Но это не только не поколебало его любви к нему но, напротив, усилило ее. При первой возможности он бросил в Америке свое обеспеченное положение для того, чтобы вернуться на родину, трудиться там для объединения Германии и потом умереть в бедности. Только люди, одаренные сильным национальным чувством, способны создавать выдающиеся произведения в области наук политических и социальных.

Лист всю свою жизнь преследовал, а отчасти и осуществил экономическое единение Германии. Идея национального единства составляет также основание его «Национальной системы». Эта задача, которая была только намечена Листом, получила свое осуществление благодаря тому, что Провидение дало Германии другого великого человека в лице князя Бисмарка.

Все желания, все проекты Листа в отношении своей родины, ныне отчасти осуществленные, а отчасти осуществляемые знаменитым канцлером, резюмированы в следующих строках конца предисловия автора «Национальной системы»: «Известно, куда ведет раздробленная национальность, которая по отношению настоящей национальности то же, что куски разбитой вазы по отношению к целому; это еще всем памятно. Еще не прошло время жизни человека с тех пор, как морские берега Германии носили имена французских департаментов, с тех пор, как священная рука Германии давала свое имя фатальной конфедерации чужеземного завоевателя, с тех пор, как сыны Германии проливали свою кровь в пылающих песках юга, точно так, как и в замерзших полях севера для славы и амбиций чужестранца».

«Мы хотим говорить о национальном единстве, которое бы предостерегло нас, нашу промышленность, нашу династию и наше дворянство от возврата к подобному времени; мы не желаем ничего более».

«Но вы, столь решительные противники возвращения галльского владычества, находите ли вы терпимым и доблестным, чтобы ваши реки и ваши порты, ваши берега и ваши моря продолжали находиться под британским влиянием?»

II

Книга знаменитого экономиста, за исключением предисловия и введения, состоит из четырех частей: история, теория, система и политика. Но во введении содержится смысл всего сочинения.

С первых же строк введения Лист, таким образом, определяет всю важность для страны создания правильной национальной экономической системы: «Бедные, слабые и варварские страны обязаны преимущественно мудрости своей экономической системы, что они стали богатыми и сильными, а другие страны, достигшие значительного блеска, помрачились от недостатка хорошей системы; были даже нации, лишённые свободы и политической жизни в осо-

бенности потому, что их коммерческое управление не пришло на помощь укреплению и развитию их национальности».

Князь Бисмарк, по-видимому, держится такого же взгляда. После военного Седана, когда Франция выказала столько экономической силы, он не почил на лаврах – и сейчас же пришел на помощь укреплению и развитию германской нации посредством национальной экономической системы. Сделавшись министром торговли и взяв в свои руки преобразование всей экономической германской жизни, он укрепил результаты военного Седана – Седаном промышленным. Кстати сказать, у нас, к сожалению, делалось нечто противоположное. Париж, Севастополь, равно как и Сан-Стефано, как будто послужили к вящему растравлению хозяйственной жизни народа посредством применения экономических доктрин, недостаточно сообразованных с национальными потребностями.

Несмотря на указанную важность экономической политики для жизни народов, по поводу этой политики, говорит Лист, существует полное разногласие. Между тем такого разногласия в существе вещей нет. Политическая экономия, говорит Лист, основывается на философии, политике и истории. Далее он продолжает: «В интересах будущего и человечества философия требует: наиболее тесного сближения между собою различных наций, отречения, насколько это возможно, от войн, укрепления и развития международного права, перехода, как говорится ныне, прав людей в право федерации, свободы в сношениях между собою народов как в области моральной, так и материальной, единения всех народов под верховенством права или универсальной ассоциации».

Это – мечта и осуществление этой мечты представляется Листу весьма отдаленным; «если она сбудется, то только, может быть, через несколько столетий», а потому он жестоко восстает против тех, которые считают, что эта мечта может ныне же осуществиться, без соображения с политикой которая, наоборот, требует: «В интересах того или другого народа в частности: гарантий его существования и независимости мер, долженствующих споспешествовать его цивилизации, его благосостоянию, его силам, улучшить его социальное положение так, чтобы сделать вполне и гармонически развитой организм во всех его частях, совершенный в самом себе и политически независимый».

Вот различие между идеями классической политической экономии (называемой Листом «школою») и идеями национальной экономии. Первые идеи – будущее, вторые – настоящее. Философия – далекое будущее; политика есть настоящее со всеми ее нуждами и потребностями.

Но не следует думать, что, противопоставляя философии (идеям классической экономии) политику (идеи национальной экономии), Лист устанавливает между ними антагонизм. Напротив того, он указывает, каким образом идеи эти примиряются:

«История, – говорит Лист, – ясно указывает потребности будущего, поучая, каким образом во все эпохи материальный и интеллектуальный прогресс был в соотношении с объемом политической ассоциации и коммерческих отношений. Но она в то же время оправдывает потребности политики и национальности, поучая, как нации погибали потому, что недостаточно охраняли интересы своей культуры и могущества; как совершенно свободная торговля с опередившими нациями была выгодна для народов, находившихся в первичных фазисах своего развития; но как те народы, которые уже совершили известный путь, могли идти далее только посредством некоторых ограничений в торговле с иностранцами и, таким образом, стать наравне с теми народами, которые их опередили». Итак, история указывает на способы взаимного согласования требований философии и политики.

Поборники свободного обмена (фритредеры) не допускают никаких ограничений в международных отношениях. Всякое такое ограничение они называют посягательством на здравый смысл, прогресс и даже мораль. Их противники протекционисты, наоборот, хотя и не отрицают в принципе свободного обмена, но они вместе с Листом убеждены, что этот принцип

не может быть применен при настоящей стадии международного общежития; они не отрицают философии свободы, но они утверждают, что для применения ее необходимо, чтобы над всем человеческим миром царствовала мудрость. «Ограничения – средство, говорит Лист, а свобода – цель». Мы принадлежим человечеству и потому не можем быть равнодушны к его преуспеянию; но мы, прежде всего русские, точно так, как Лист и князь Бисмарк – немцы, а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества. Проповедники свободы торговли безусловно неправы не только по отношению настоящего, но также и по отношению средств достижения будущего, ибо будущая свобода международных отношений может быть достигнута только посредством ограничений в интересах той или другой нации в настоящем. Но будем говорить словами Листа: «Ассоциация индивидуальных сил для достижения общей цели представляет наиболее верное средство для осуществления благосостояния лиц. Одинокий человек, оторванный от себе подобных, слаб и бессилён. Чем больше число людей, с которыми он соединен, чем ассоциация совершеннее, тем больше и совершеннее результаты, т. е. нравственное и материальное благосостояние».

«Самая высокая степень ассоциации людей, которая ныне может быть реализована, это – государство, нация; самая высокая, о которой можно мечтать, это – человечество. Точно так, как отдельный человек гораздо счастливее в государстве, нежели в одиночестве, все нации гораздо более преуспевали бы, если бы были соединены правом, общим миром и свободным обменом. Сама природа постепенно ведет нации к этой совершеннейшей ассоциации, вынуждая их, вследствие различия климатов, земли и производительности, к обмену, вследствие излишка населения и капиталов – к эмиграции и основанию колоний. Международная торговля, возбуждая деятельность и энергию созданием новых потребностей, перемещением от одной нации к другой идей, открытий и сил, составляет одно из самых могущественных средств цивилизации и благоденствия народов».

«Но покуда единение народов посредством торговли еще весьма несовершенно, так как оно прервано или, по крайней мере, ослаблено войнами и эгоистическими мерами тех или других народностей».

«Через войну нация может быть лишена своей независимости, своего имущества, своей свободы, своих учреждений и законов, своей самобытности и вообще степени культуры и благосостояния, до которых она достигла; она может быть поработана. Эгоистическими мероприятиями чужеземцев ее экономическое развитие может быть смущено и замедлено». «В настоящее время, следовательно, главная забота нации должна заключаться в сохранении, развитии и совершенствовании ее национальности. В этом нет ничего несправедливого и эгоистического; это стремление разумно и совершенно согласно с интересом человечества, ибо оно естественно ведет к всеобщей ассоциации, которая может осуществляться посредством конфедерации постольку, поскольку народы достигают одинаковой степени культуры и могущества».

«Всеобщая ассоциация, основанная на могуществе и богатстве одной какой-либо нации и ведущая, следовательно, к подчиненности и зависимости всех прочих, имела бы в результате их уничтожение и устранение международного соревнования; она нарушает интересы и оскорбляет чувства всех наций, которые сознают себя призванными к независимости, к обладанию значительным богатством и высоким политическим значением; произошло бы повторение того, что уже существовало, повторение стремления римлян, осуществленное на этот раз посредством мануфактуры и торговли – вместо оружия, но что точно так же ведет к варварству».

Вот истинная теория протекционизма, ведущая к всеобщей свободе посредством установления у всех народов равномерной культуры и могущества, что составляет необходимое условие торжества философии политической экономии. Последние строки приведенной выдержки, написанные более полувека тому назад, выясняют причину настоящего поведе-

ния князя Бисмарка по отношению Великобритании. Богатство и экономическое преобладание этой страны «нарушают интересы и оскорбляют чувства немцев, которые сознают, что они призваны к независимости, к обладанию значительным богатством и высоким политическим значением». Для нас, русских, экономическое ослабление Англии, конечно, полезно настолько же, насколько оно полезно и для прочих европейских народов, но под одним условием – чтобы на развалинах главенства Англии не основалось еще более тягостное для России главенство Германии. Кто следит за внешней торговлей, тот знает, что центр наших торговых сношений в последние годы быстрыми шагами передвигается с берегов Темзы на берега Шпрее. Поэтому теория Листа, служащая путеводительницей германской политики, должна быть принята к руководству всеми нациями, а в том числе и Россией, если она не желает подпасть под германское экономическое владычество.

Следя за экономической жизнью народов, можно различать следующие постепенные стадии их развития: стадия дикого состояния, пастушеского, земледельческого, земледельческого и мануфактурного и, наконец, земледельческого, мануфактурного и коммерческого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.